

Василий Емельянович Махов

Фрегат "Диана"

Путевые записки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В19

В19 **Василий Емельянович Махов**
Фрегат "Диана": Путевые записки / Василий Емельянович Махов – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 73 с.

ISBN 978-5-518-10550-8

ISBN 978-5-518-10550-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

же морями къ восточнымъ берегамъ Сибири, онъ 20 іюля 1855 г. взять былъ англо-французами въ плѣнъ, но чрезъ три дня высаженъ на пустой берегъ при портѣ Аляч. Отсюда путешествуя чрезъ всю Сибирь съ большимъ затрудненіемъ, безъ средствъ, 6-го декабря прибылъ онъ въ Петербургъ, гдѣ въ награжденіе за окрещеніе гиляковъ—получилъ скуфью; за примѣрно-усердное исполненіе священническихъ обязанностей во время кругосвѣтнаго плаванія—наперсный крестъ; за поднесеніе лично великому князю Константину Николаевичу приобрѣтенныхъ въ Японскомъ государствѣ монетъ и вещей, пожалованъ 4 февраля 1856 г. отъ его императорскаго высочества съ изъявленіемъ особой признательности, золотымъ съ брилліантами перстнемъ; по Высочайшему Государю повелѣнію 28 апрѣля того же года, по вѣнчанинъ 100 триста рублей сер. 5-го іюля, по Высочайшему Государю повелѣнію 10 іюня 1857 г. священника арміи и флота, опредѣленъ въ дивизию 6-го армейскаго корпуса, съ званіемъ священника въ свѣтѣ духовенствомъ въ той дивизіи; гдѣ, въ память мисіонерской войны, получилъ бронзовую медаль на андреевской и та же наперсный крестъ на владимірской лентѣ. За расформированіемъ же, по случаю окончанія войны, означеннаго корпуса, остался за штатомъ и поступилъ на жительство въ курскую епархію, въ которой, по указу святѣйшаго синода, «за долговременную, отлично-усердную и полезную службу», возведенъ 15-го апрѣля 1857 г. въ санъ протоіерея и награжденъ набедренникомъ.

Казалось бы, что тутъ должно было и окончиться поприще дѣятельности протоіерея Махова, но Промыслъ Божій невидимо готовилъ ему новые подвиги! Въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 г. онъ снова вызванъ былъ свят. Синодомъ въ Петербургъ и, по Высочайшему Государю Императора повелѣнію, назначенъ 24 марта быть настоятелемъ церкви російскаго консульства въ Хаготаде (на островѣ Эзо, въ Японіи), съ жалованьемъ по 2,500 р. сер. въ годъ. — 19-го іюля того же года, «по вниманію, какъ къ прежней отлично-усердной и полезной службѣ, такъ и къ трудамъ, предстоящимъ на новомъ поприщѣ», Всемилоствѣнне награжденъ камиллавою, а изъ кабинета Его Величества получилъ установленный

для миссіонеровъ за границую золотой наперсный крестъ. Изъ Петербурга отправился онъ 2-го сентября 1858 г. и прибылъ въ Японію 13 іюня 1859 г.

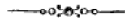
Съ одной стороны, труды по службѣ, съ другой,—частые, подъ разными климатическими условіями, далекіе съ мѣста на мѣсто переѣзды, имѣли рѣзкое вліяніе на шестидесятилѣтнюю жизнь покойнаго. Онъ, правда, вполне утѣшался Божіею къ нему милостію, пославшею ему столько благъ; но здоровье его болѣе и болѣе упадало. Скорбь о дѣтяхъ (хотя уже взрослыхъ и пристроенныхъ), возмущала его душу, тревожила старческій его покой. Онъ началъ ослабѣвать въ природной крѣпости силъ и болѣть серьезно, подвергаясь удушливому съ сильными мокротами кашлю. Въ Хакотаде, гдѣ климатъ особенно разрушительно дѣйствовалъ на здоровье покойнаго, онъ, благодаря Бога за низпосланную къ нему при концѣ жизни милость, — заявлялъ одно желаніе: «хоть бы добраться до Россіи; хоть бы умереть въ Радубежѣ!» — Богъ услышалъ его молитву, исполнилъ и это желаніе. По болѣзни разрѣшено ему выѣхать изъ Японіи и явиться въ Петербургъ. Въ іюль 1860 г. онъ выѣхалъ, и 19 декабря прибылъ въ Петербургъ, гдѣ по распоряженію св. синода уволенъ на покой — въ курскую епархію. Милость и щедроты Дома Царева еще разъ разыскали отживающаго дни свои, нынѣ покойнаго, протоіеря. Государыня Императрица, за поднесеніе имъ лично въ 1861 г. ея высочеству, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ привезенныхъ изъ Японіи вещей, Всемиловѣйше соизволила пожаловать ему золотые часы съ цѣпочкою во 125 р. с. 21-го января 1863 г. Высочайше повелѣно производить ему изъ главнаго казначейства пенсію по 400 р. въ годъ. Служа Богу словомъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятелемъ и въ общественной жизни. Съ наступленіемъ 1864 года, покойный началъ чувствовать себя особенно ослабѣвающимъ, и потому сталъ положительно собираться въ загробную жизнь. На другой день Благовѣщенія отправился онъ изъ Радубежа за 30 верстъ въ село Саковинку, гдѣ, исполняя временно священническую обязанность, слѣдилъ вмѣстѣ съ тѣмъ за постройкою новаго храма. Тамъ, 27 марта, поразилъ его апоплексическій

VII

ударъ съ отнятіемъ языка, правой руки и правой ноги. Привезенный въ такомъ положеніи въ Радубежъ, четыре дня страдалъ онъ убійственнымъ кашлемъ съ мокротою, а 31-го ч., съ закатомъ солнца, скончался. Погребенъ 2-го ч. апрѣля 1864 г. при церкви с. Радубежа.

Миръ праху твоему, добрый человѣкъ, дѣятельный пастырь, чадолюбивый родитель, взысканный милостію и щедротами царскими—кругосвѣтный путешественникъ! Да водворится душа твоя во благихъ небесныхъ тагъ, какъ ты за жизнь свою, по боязни ко Господу, утѣшенъ былъ напослѣдокъ благами земными!

Ис. М — съ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Фрегатъ «Діана»..... Кто изъ многихъ русскихъ не слѣдилъ за его предприимчивымъ въ отдаленныхъ моряхъ плаваніемъ; кому не извѣстно постигшее его у береговъ Японскаго Государства злополучіе, гибель и, наконецъ, самое крушеніе; кто не читалъ объ этомъ ужасномъ происшествіи безъ душевнаго сожалѣнія, сердечнаго участія, искренняго сочувствія и, быть можетъ, безъ слезъ?.. Но прочеть статью о гибели фрегата «Діана» — не равнодушно; раздѣлить горе, случившееся съ роднымъ, близкимъ знакомымъ заочно, пожалѣть о бѣдствующихъ и злополучныхъ реплавателяхъ — за глаза, чувство одобрительное, искренность впрочемъ на нѣсколько минутъ, память на время!... Каково же было лицу, дѣйствительно страдательному, тому мореходу, который, совершивъ путь свой почти благополучно, застигнуть былъ горемъ въ окончаніи плаванія неожиданно и въ самыхъ ужасныхъ размѣрахъ?... Человѣкъ то не перенесетъ, что Богъ не пошлетъ! На старости лѣтъ Господь судилъ мнѣ совершить кругосвѣтное путешествіе, видѣть многое, вытерпѣть горькое, сохранилъ мнѣ память о быломъ, почемужъ мнѣ и не рассказать объ этомъ вамъ, мой благосклонный читатель? Прочтите и со старика не взъщичте.

ГЛАВА I-я.

Отбытіе фрегата изъ Кронштадта. Мысли при разлукѣ съ родиною. Морская болѣзнь. Копенгагенъ. Путь далѣе. Проливъ Ламаншъ. Атлантическій океанъ. С. Себастьянъ и его негостепримство. Переходъ чрезъ экваторъ 6-го декабря.

Состоя въ числѣ братства Свято-Троицкія Александро-Невскія Лавры, я, по распоряженію начальства, назначенъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1853 года на изготовлявшійся тогда на три года въ кругосвѣтное плаваніе фрегатъ «Діана». Прибывъ 24-го числа сентября въ Кронштадтъ, 26-го фрегатъ вышелъ на рейдъ; 1-го числа октября—въ день Покрова Божіей Матери,—торжественно совершено было мною, по церковному чиноположенію, освященіе устроеннаго на фрегатѣ храма во имя святителя Христова Николая. Когда же фрегатъ окончательно былъ изготовленъ къ отплытію, 4-го октября въ 10 часу утра, начали прибывать на фрегатъ высшіе сановники морскаго министерства, родные и знакомые готовившихся въ дальній путь; за тѣмъ изволилъ прибыть на пароходѣ и Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Обойдя построенную команду, осмотра заботливо всѣ отдѣленія фрегата, Его Высочество приказалъ начать напутственное молебствіе.—Усердно и прямо отъ чистаго сердца возносили въ это время молитву къ небесному путеводителю и отходящіе въ путь и сопровождающіе ихъ въ таковой, «да спутешествовавый нѣкогда двумъ апостоламъ въ Еммаусъ, Спаситель, шествуетъ и нынѣ путешествовати хотящимъ; пославый иногда Товии спутника въ образѣ ангела, и нынѣ пошлетъ путникамъ невидимаго хранителя, отъ всякаго злаго обстоянія и во всякомъ благополучіи соблю-

дающая». Искренняя молитва эта закончилась окропленіемъ святою водою всего фрегата и русскаго флага. Его Высочество, ласково простясь съ командиромъ фрегата и всѣми путниками, и напомнивъ имъ о важности предстоящаго пути, ревностномъ исполненіи своего долга и сохраненіи чести флага, изволилъ отбыть съ фрегата. Началась заздравная съ крѣпости и прощальная съ фрегата пушечная пальба, послѣ которой Великій Князь еще разъ напутствовалъ отходящихъ моряковъ желаніемъ благополучія; за громкимъ «счастливо оставаться!» раздался свистокъ и мы, по командѣ, снялись съ якоря. Быстро и смѣло пошелъ нашъ фрегатъ по водамъ Финскаго залива, миновалъ его въ одни сутки и вступилъ, наконецъ, въ Балтійское море. Скоро мы оставили за собою Ревель и Ригу, переѣхали и ту черту, которая указываетъ конецъ Земли русскаго и начало земель иностранныхъ. И здѣсь-то на рубежѣ роднаго съ чужимъ, на границѣ русскаго съ иностраннымъ, тяжелый вздохъ вырвался изъ груди моей. Вздохъ этотъ понятенъ, близокъ, знакомъ тому, кто хотя однажды въ жизни своей оставляя, и быть можетъ безвозвратно, любезное отечество, покидая близкихъ-родныхъ, друзей и знаемыхъ, пускался въ обширное пространство морей, неся за предѣлы далекаго, неизвѣстнаго..... Мрачная дѣма покрыла чело мое: Богъ знаетъ, суждено ли намъ, далекимъ путникамъ, совершить трудный и продолжительный путь свой въ благополучіи; суждено ли узрѣть чрезъ три года снова благословенное свое отечество, прижать къ груди родныхъ, привѣтствовать друзей, обмѣняться ласковымъ поклономъ съ ближними, услышать сердечное «здравствуй», вмѣсто выпѣннаго печальнаго «прости!»... Сердце мое сжалось, голова отяжелѣла, горячія слезы хлынули изъ глазъ моихъ.... «Прости, еще разъ прости родное, дорогое наше отечество! Да будетъ всегдашнее благословеніе Божіе надъ тобою, Богомъ возвеличенная и Богомъ хранимая Россія, да почиетъ въ нѣдрахъ твоихъ духъ страха Божія, духъ правды и истины, духъ міра и спокойствія, союзъ братской любви и безпредѣльная преданность къ Помазаннику Божію—Царю своему. Съ этими условіями была ты какъ прежде,

будешь нынѣ и всегда славна, могуча, страшна врагамъ своимъ!»... Такого было душевное настроеніе, такова была дума каждаго изъ насъ, когда оставляя за собою предѣлы Россіи, неслись мы подъ парусами далѣе по Балтійскому морю, около острововъ Готланда и Борнгольма. Отъ тоски ли по родинѣ, отъ разстройства ли душевнаго, или по неотъемлемому праву мореплаванія, качки и потрясеній носимого по волнамъ судна, появилась на фрегатѣ нашемъ болѣзнь, обыкновенно моряками называемая «морскою». Кто изъ насъ болѣе или менѣе не перенесъ этой болѣзни, болѣзни сильной въ началѣ, мучительной въ послѣдствіи, изнурительной въ окончаніи. Не только пустившійся въ первый разъ путешествовать по морю, но даже иныя и изъ старыхъ моряковъ подверглись этой болѣзни. Прямой признакъ и начало болѣзни, какъ я испыталъ собственно на себѣ, сильное головокруженіе, за тѣмъ слѣдовала мучительная во всемъ тѣлѣ боль, которая, изнуривъ силы мои тѣлесныя, повергла въ неизъяснимую тоску о чемъ-то безотчетномъ, все для меня стало несноснымъ, ко всему я былъ равнодушенъ, ни какія лекарства не оказывали своей помощи, не подавали облегченія, одна лишь привычка къ морской качкѣ и крѣпкая натура, способствовали въ восстановленіи по времени тѣлесныхъ силъ. 13-го числа мы прибыли на копенгагенскій рейдъ, по 20-е ч. находились въ пристани, заготовляя въ это время нужные, для себя, на предстоящій путь съѣстные припасы и другія принадлежности. Каждый разъ, какъ только я съѣзжалъ на берегъ и проходилъ городомъ, неотвязчивые и чуть не на всякомъ шагу мальчишки до такой степени досаждали мнѣ попросами подаенія, что и по возвращеніи на фрегатъ долго чудился мнѣ пискливый голосъ этихъ попрошаекъ: «руска, дай копѣйка!» Въ прогулку мою по улицамъ города, жители съ удивленіемъ и смѣхомъ посматривали на мое, свойственное духовному лицу, одѣяніе: оно не казалось имъ, какъ думаю, богатымъ, но занимало чисто-формою своею и покроемъ. Это мнѣніе хотя и подтверждалось совѣтомъ переѣмнить платье, ходить въ принятомъ за границу духовными лицами свѣтскомъ одѣяніи, стричь волосы и брить бороду, по

послѣдовать этому обыкновению я не призналъ за нужное. Что за краса, на примѣръ, видѣть нашего русскаго іерея съ остриженными волосами, бритою бородою, въ пальто на плечахъ, въ чулкахъ и башмакахъ на ногахъ? Я удивился и не хотѣлъ признавать за своего собрата, за русскаго священника, находящагося іерея при одномъ нашемъ заграничномъ посольствѣ. Странно казалось мнѣ такое обыкновение; я полагаю, что свойственная лицу русскаго священника одежда и при ней какіе либо знаки Монаршей милости и духовныхъ отличій, должны поставлять православное духовенство, преимущественно внѣ Россіи, въ виду уваженія и почитанія иноземцевъ. Во всѣхъ портахъ заграничныхъ, даже въ Японіи, я не измѣнялъ моего одѣянія; ряса постоянно была на моихъ раменахъ. 20 числа, при благопріятной погодѣ, снялись мы съ якоря и плыли проливами въ Нѣмецкое море, 21 и 22 числа проходили угрюмый Каттегатъ и грозный для мореплавателей мысъ Скагенъ, миновали благополучно и то рековое мѣсто, гдѣ по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія постигла злая доля нашихъ собратій, моряковъ, плывшихъ не задолго предъ нами на военномъ транспортѣ «Нѣманъ». Съ 23 по 30 числа проходили Нѣмецкое море и проливъ Ламаншъ; здѣсь прибывшій къ намъ на баркасѣ съ береговъ Англіи лодманъ, довольно далеко провожалъ нашъ фрегатъ проливомъ. Этимъ временемъ мы успѣли написать письма и, поручивъ ихъ лодману, просили переслать ихъ въ Россію. Кромѣ густаго лѣса мачтъ вдали, кромѣ безпрестаннаго движенія по проливу со всѣхъ сторонъ многочисленныхъ англійскихъ судовъ и большаго и малаго размѣра, мы ничего не видали, поспѣвая сколь возможно миновать побережья Англіи и поскорѣе вступить въ Атлантическій океанъ. 31-го числа вступили мы въ океанъ. Вотъ гдѣ настало истинное раздолье для фрегата, тутъ-то закишла работа у моряка, небо мрачно, воду буравятъ волны, сверху дождь, снизу прибой валовъ, а фрегатъ, переваливаясь съ боку на бокъ, несется на всѣхъ парусахъ къ опредѣленному мѣсту. Утренній чай, обѣдъ и ужинъ, приправляемые общеро дружескою бесѣдою и заморскими винами, шли своимъ чередомъ и съ такимъ